

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НОВЫЕ РАБОТЫ ВЬЕТНАМСКИХ ЭТНОГРАФОВ ¹

В Ханое на английском и французском языках издается серия «Вьетнамские исследования». Серия посвящена самым актуальным проблемам истории и экономики Вьетнама, вопросам народного образования. В этой серии уже появились труды этнографического характера — «Горные районы и национальные меньшинства (вып. 15) и «Традиционный Вьетнам» (вып. 21).

Рецензируемое издание — «Этнографические данные» состоит из двух томов (вып. 32 и 36). Эти два тома дают хорошее представление о достижениях этнографии в ДРВ.

В первый том входят три большие статьи. Вводная статья крупного этнографа и общественного деятеля Ле ван Хао посвящена историографическому обзору развития этнографии в Северном Вьетнаме. Вьетнамские этнографы в самых тяжелых условиях смогли не только выяснить сложный этнический состав ДРВ, но и глубоко изучить этнографию нескольких десятков народов, написать и издать монографические исследования по этим народам, а также целые тома по фольклору и другим аспектам народной жизни.

Ле ван Хао пишет о том чувстве уважения и гордости, которое вызывает у всей вьетнамской интеллигенции благородная деятельность этнографов ДРВ. Он приходит к выводу, что особый интерес к этнографии во Вьетнаме имеет внутреннюю связь со свобододолюбивым характером вьетнамского народа, с развитым чувством национальной гордости, т. е. с теми психологическими чертами народа, которые сложились в ходе столетий упорного сопротивления иностранным захватчикам и всегда способствовали победе в справедливой борьбе.

Работа Нгуен ты Чи «Очерк мыонгов» — отличное введение в современную этнографию мыонгов, одного из крупных народов Вьетнама, близкородственного вьетам. В этнографической литературе мыонгов часто называют «горцами». Это, как считает автор, неправильно. Мыонги расселяются в узких долинах, земли которых тщательно возделаны под орошаемый рис. Невысокие горы составляют лишь фон мыонгского пейзажа. Поэтому Нгуен ты Чи называет мыонгов «жителями средней части», подразумевая под этим обитание народа в переходной зоне, занимающей среднюю часть между равнинными районами и горными плато и склонами (стр. 58). После точно и изящно написанного очерка географической среды Нгуен ты Чи переходит к описанию жилища мыонгов (стр. 65). Большой интерес представляет описание мыонгского дома и его планировки, в которой перегородка делит все помещение на «внутреннюю» и «внешнюю» стороны. Когда нужно освободить место для проведения обрядов, перегородка вообще снимается (стр. 70). Данный факт заставляет нас вспомнить о японском типе жилища с подвижными перегородками, позволяющими менять его планировку. Это еще одна черта, сближающая японский каркасный столбовой дом со свайными постройками тропических и субтропических районов Юго-Восточной Азии.

Интересен раздел статьи, посвященный костюму. Аналогию женской одежды мыонгов Нгуен ты Чи находит в изображениях на бронзовых барабанах донгшонской эпохи

¹ «Ethnographical Data», vol. 1—2 («Vietnamese Studies», №№ 32, 36), Hanoi, 1972, 1973; «Données ethnographiques», t. 1—2 («Etudes vietnamiennes», №№ 32, 36), Hanoi, 1972, 1973. В нашей рецензии разбор первого тома дается по изданию на английском языке, второго — на французском.

(стр. 79). Хозяйство мыонгов Нгуен ты Чи считает наиболее важным объектом для теоретического анализа (стр. 80). Наряду с орошаемым долинным и террасным рисоводством мыонги знают и подсечно-огневое земледелие, ныне практикуемое, правда, в небольших масштабах. Несмотря на это, оно существенно отразилось на ритуалах мыонгов (стр. 82—84). Все, что относится к подсечно-огневому земледелию, резко отличается от того, что связано с орошаемым. Жатвенный нож *найтом* используется только на подсечных полях, на орошаемых — только серп *кайхай*. Во многих аграрных и брачных обрядах *найтом* играет ритуальную роль (стр. 62—83). Рассматривая основное занятие мыонгов — поливное пашенное земледелие, Нгуен ты Чи делает правильный вывод, что пашенное земледелие у народов Северного Вьетнама имеет глубокую древность и что это не подтверждает точку зрения о заимствовании плуга у китайцев (стр. 96—98).

Интересные данные Нгуен ты Чи приводит относительно общественного строя мыонгов в прошлом, хотя при этом он использует не совсем четкую терминологию. Основной общественно-хозяйственной ячейкой мыонгов была малая семья, где главенствовал мужчина. Мыонги отличаются тем, что у них не обнаружено никаких следов более древних родоплеменных институтов (стр. 103). В целом социально-экономический строй мыонгов до революции характеризовался, по автору, «разделением общества на касты на основе коллективной собственности на землю» (стр. 109). Небольшой привилегированный слой (*ланг*, женщины из семей *лангов* назывались *нанг*) образовался из лиц, распорядившихся землями общины. Нгуен ты Чи отмечает устойчивость родственных связей в общинной верхушке как одну из сторон в процессе превращения этого слоя в правящий класс. В каждой деревушке был свой *ланг* из младшей ветви семьи *лангов*, подчинявшийся *гангу*, возглавлявшему всю долину. Полная аналогия этой структуре имеется у *тхай*, где мы также находим деревни (*бан*), объединенные в округу (*мыонг*). Эксплуатация со стороны *лангов* покоилась, как считает Нгуен ты Чи, не на частной земельной собственности, а на праве распределять общинные поливные поля (стр. 116). Эту черту автор объясняет тем, что классовое расслоение у мыонгов не разрушило общину, а сказалось в подчинении ее частным интересам верхушки (стр. 117). Последнее положение заслуживает серьезного внимания, хотя возражение вызывает отрицание роли частной собственности. На наш взгляд, отношения между *лангами* и общинниками можно рассматривать как основанные на феодальной частной собственности на орошаемые земли и коллективной зависимости общин. Справедливо определив характер собственности в старом обществе мыонгов, Нгуен ты Чи едва ли прав в другом. Ссылаясь на монополию *лангов* в распределении общинных земель и на их привилегии как глав общин, автор характеризует эксплуатацию со стороны *лангов* как внеэкономическую по происхождению (стр. 117). На деле у мыонгов были слиты воедино экономическая и внеэкономическая, основанная на личной зависимости, стороны эксплуатации. Консервативный общественный строй мыонгов в прошлом Нгуен ты Чи объясняет неразвитостью торговли и ремесла, которые обычно способствуют разложению общины, коллективного земельного владения. Знать боролась за сохранение таких земельных отношений. Тем не менее, как показал автор, эта система не препятствовала появлению прослойки зажиточных общинников (стр. 122).

Религиозная жизнь мыонгов не стоит в центре внимания Нгуен ты Чи. Здесь он отсылает читателя к монографии Ж. Кюзины. Но вместе с тем автор приводит веские соображения в пользу той точки зрения, что культ предков был распространен не у всех слоев общества мыонгов (как и у других народов Дальнего Востока), а лишь у знати. У бедноты не было алтарей предков, votивных таблиц, возжигания благоуханий и т. д. Культы бедноты автор называет «культами души» (стр. 127—128).

В «Очерке *тхай* Вьетнама», написанном Данг нгьем Ваном, собран большой материал и дан глубокий его анализ². Автор приводит исторические данные о народах группы *тхай* во Вьетнаме, дает очерк происхождения и миграций этих народов. *Тхай* переселились во Вьетнам с территории современного Южного Китая в первых веках нашей эры. Во Вьетнаме *тхай* попали в те условия, которые сложились еще до их прихода:

² Принято написание *тхай* для народа, расселенного на северо-западе ДРВ (Тэйбак), и написание *тай* для близкородственного народа на севере и северо-востоке ДРВ (Вьетбак). Кроме того, термин *таи*, *тайская* группа употребляют по отношению ко всем выше-названным и близким к ним народам.

многонациональное государство, образованное близкими в культурном отношении этническими компонентами. Особо автор отмечает общие обычаи рисоводов, дементирующее воздействие центральной власти (стр. 158). Очерк заканчивается историей тхай при колонизаторах и после Освобождения.

Поливное рисоводство настолько пронизывает всю жизнь этого народа, что они приняли самоназвание тхай, означающее «возделыватели земли» (стр. 156). Интересные данные автор приводит о жатвенных орудиях, способах уборки урожая жатвенным ножом и серпом, обмолоте и хранении риса (стр. 159). Однако хозяйственные занятия тхай не были ограничены одним рисоводством. Особый интерес в этнографии этого развитого земледельческого народа представляет анализ более архаических хозяйственных форм. Сохранение у тхай традиций собирательства Данг нгьем Ван связывает, в частности, с эксплуатацией со стороны феодалов, которая распространялась главным образом на земледельческую сферу и не охватывала труда крестьян вне общины (стр. 166). Помимо заготовки в лесу съестных припасов, тхай практиковали с древности сбор лекарственных трав, который получил развитие в настоящее время. Продукция лесных промыслов способствовала становлению у крестьян тхай товарно-денежных отношений. Данные о рыболовстве характеризуют эту область хозяйства как очень важную: некоторые семьи вылавливают в год по несколько тонн рыбы (стр. 167). Очень интересны сведения об охоте у тхай: сохранение особого участка леса специально для охоты, порядок распределения добычи при коллективной охоте, когда наиболее почетную часть туши получает человек, обнаруживший дичь, или беременные женщины (стр. 168). Специфическая черта отличает скотоводческую практику тхай — небольшая долина, окруженная лесом, отводится под постоянное пастбище для буйволов; их выводят отсюда только на время пахоты (стр. 169). Среди домашних промыслов тхай было наиболее развито ткачество, но эта продукция почти не поступала на рынок (стр. 170).

При освещении общественной жизни тхай Данг нгьем Ван сосредоточил внимание на анализе феодальных отношений³. Тхайские феодалы признавали сюзеренитет вьетского двора. Их владения делились на земледельческие общины — баны. Такой бан состоял из неродственных больших и малых семей. Данг нгьем Ван характеризует бан не только как объединение хозяйств в административное подразделение; бан можно рассматривать как «страну» в миниатюре со своими устойчивыми границами, неотчуждаемыми рисовыми полями, лесами и пастбищами* (стр. 179). Феодал мог продать всю землю с населением всего бана, но не мог продать отдельно часть полей, леса и часть крестьян (стр. 180).

Основная деятельность членов бана была направлена на поддержание общей ирригационной сети, и эта цель объединяла неродственные семьи с их противоречивыми интересами. Данг нгьем Ван не видит в технических или экономических обстоятельствах причину образования феодального владения (мьонга). Система ирригации тхай не требовала контроля со стороны государства. Однако причину возникновения государств у народов тайской группы следует все же видеть не только в военно-политических столкновениях с другими народами, как это делает автор (стр. 174), но прежде всего в создании внутреннего аппарата классового господства.

Автор сообщает интересные сведения о жизни банов. Баны в феодальной системе тхай обладали известной автономией. Население их было очень сплоченным — были случаи, когда все население бана, недовольное своим владельцем, покидало землю и уходило к владельцу другого мьонга (стр. 176). Земля в принципе считалась общинной собственностью. Но местные феодалы и чиновничья верхушка получали лучшие участки, обрабатывать которые должны были общинники. Получение земли общинником было обусловлено обязательной его работой для нужд общины — поддержанием в порядке ирригационной сети и строительством дорог (стр. 177). Членство в общине и обработка общинных орошаемых земель накладывали на общинника бремя работы на феодала — продуктовой ренты. Лица, не заинтересованные в работе на общинных полях, осваивали лесные участки, которые обрабатывали подсечно-огневым способом, и при этом почти не

³ О чертах близкого общественного строя народов группы тай во Вьетнаме см.: А. И. Мухомин, Социальная организация тайских народов Вьетнама, в сб. «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии», Л., 1967, стр. 128—145.

участвовали в общинной жизни; они были обязаны делать взносы лишь для религиозных праздников (стр. 182). Таким образом, общинной эта собственность была только по виду (стр. 178).

Класс феодалов имел развитую иерархию. Характерно, что вся верхушка тхай носила фамилию Ло и, если общинник в исключительном случае становился на одну из ступеней феодальной иерархии, он принимал эту фамилию (стр. 179). Особое место Данг нгьем Ван посвящает описанию структуры зависимого крестьянства: клиентов, отработавших барщину на феодала, которых тот мог продать, и слоя домашних слуг, находившихся в положении, близком к рабскому (стр. 183). Глубокое исследование Данг нгьем Вана обогащает научные представления о восточном феодализме.

Последний раздел работы посвящен религиозным верованиям. Здесь внимание автора сосредоточено на тех религиозных представлениях, которые связаны с феодальной системой. Например, миф знати о происхождении от небесных божеств совершенно отличен от мифа общинников о происхождении от тыквы (стр. 192).

Следующий выпуск начинается статьей Лам Тама «Взгляд на мео», посвященной одному из интереснейших народов Восточной и Юго-Восточной Азии, происхождение которого еще во многом загадочно. Эта проблема возникает уже при лингвистической классификации мео и близких к ним зао (мяо и яо в других странах). Лам Там пишет о принадлежности языков этих народов к синотибетской семье, но в новейших исследованиях советских и других ученых все больше утверждается мнение о мон-кхмерской принадлежности языков мео и зао⁴. Лам Там прослеживает несколько волн миграции мео из южного Китая в горный район ДРВ. Самая ранняя из них началась около 300 лет назад (стр. 11). К сожалению, автор не ставит вопроса о более ранних этапах этногенеза мео, хотя большой материал, приведенный им самим, позволяет это сделать. Несмотря на то, что в культуре представлены многие черты южного происхождения — охота с отравленными стрелами, глущение рыбы (стр. 28), — есть факты, свидетельствующие об ином субстрате у мео, который условно можно называть северным. Так, в земледелии мео, наряду с возделыванием риса, ямса и других южных культур, Лам Там обнаруживает возделывание ржи (стр. 26). У мео редко встречаются сады и огороды около жилищ (стр. 15), что очень характерно для народов юга Восточной и всей Юго-Восточной Азии. Отличается от домов соседних народов дом мео, который ставится на земляном цоколе, а не на сваях (стр. 16). Говоря о планировке дома мео, автор допускает возможность того, что в ней видны следы обитания в равнинной местности (стр. 17). Очень своеобразна одежда этого народа. Составляющие ее основу халат и передники (последние носят женщины, стр. 21) имеют центральноазиатские параллели. К сожалению, в статье мало говорится о народном творчестве, мифологии и религии мео. В этой сфере культуры мео также обнаруживаются черты северного происхождения. Описание разнообразных систем земледелия мео, их ремесел сделано автором интересно и обстоятельно. Здесь хочется отметить одну важную деталь, сообщаемую нам Лам Тамом: после уборки урожая мео спускаются с гор на равнинные рынки с продукцией своего хозяйства, чтобы получить за нее соль и некоторые промышленные товары; но не только в этом состоит цель таких походов — мео, разбросанно живущие среди других народов, используют встречи на рынках для устройства праздников, знакомств между молодыми людьми и других контактов, в которых выражается этническое единство дисперсно расселенных мео.

Автор статьи сообщает важные сведения об общественном строе мео. У них очень сильно выражены патриархальные тенденции в семейно-брачном быту — власть отца, покупка невесты и т. п. (стр. 31, 35). Факты, приводимые Лам Тамом, убеждают нас в резком имущественном расслоении и ясно выраженной эксплуатации в обществе мео до Августовской революции. Однако у автора проявляется некоторая нечеткость в определении общего уровня развития традиционного общества мео. Так, на стр. 48 утверждается, что у мео нет еще социальных классов, а на стр. 49 сообщается о «классе бедных крестьян». По нашему мнению, такие явления, как рента, достигающая одной трети урожая, целая иерархия вождей-землевладельцев, общественный антагонизм, содержание вождями собственной «гвардии» (стр. 44—45, 48—49) — все это говорит о недав-

⁴ См.: С. Е. Яхонтов, О классификации языков Юго-Восточной Азии, «Страны и народы Востока», вып. XV, М., 1973.

нем наличию у него феодального общества, уничтоженного в результате демократических реформ.

Во втором выпуске рецензируемого издания Данг нгием Ван снова выступил с важным исследованием, на этот раз посвященном народности кхму, основная часть которой живёт в Лаосе. Кхму — это последний из мигрировавших во Вьетнам народов, его переселение шло с XVIII до середины XIX в. (стр. 70). Заслугой вьетнамских исследователей является изучение малоизвестных групп этого народа, которые фигурировали в литературе под разными наименованиями (сакау, тень, тайхай и др.), и рассмотрение их как частей народа кхму.

Данг нгием Ван всесторонне характеризует хозяйственный быт кхму, используя при этом концепцию хозяйственно-культурных типов (стр. 73). Подробно останавливается он на описании сажального кола кхму, которым пользуются на лесных участках. Интересно, что это орудие служит также музыкальным инструментом (стр. 74—76 и рис. 1 и 2). В литературе имеются сведения об аналогичном сажальном коле у народов Филиппин. Касаясь хозяйства, автор статьи стремится вскрыть всестороннее влияние подсечно-огневой системы на весь быт кхму: на строительную технику, домашнюю утварь и т. п. (стр. 79). В разделе об общественном строе есть ценные наблюдения автора и оригинальные трактовки важных теоретических вопросов. Так, на материале кхму Данг нгием Ван отстаивает точку зрения, согласно которой деление на старшие и младшие семейные ветви в одной семейной группе кхму является позднейшим превращением двух родов, входивших в одну фратрию, причем один из этих родов (*B*) был ответвлением другого, «материнского» (*A*). Генетическое старшинство рода *A* обусловило старшинство той семейной ветви, которая идет от него. Вся же семейная группа до сих пор, как правило, носящая тотемическое наименование, восходит к первоначальной фратрии. Однако, по мнению Данг нгиема Вана, позднейшее деление на старшие и младшие ветви было перекрыто малыми семьями. Раскол общества на малые семьи произошел в условиях соседской общины (стр. 94—98). Чтобы принять эту гипотезу Данг нгием Вана, нужен дополнительный материал, который показал бы, что старшинство части семейных ветвей не связано с процессами классообразования. В разработке происхождения брачной системы у кхму, характеризующейся линейной связью брачующихся семейных групп без обмена (типа «трехродового союза»), автор исходит из гипотезы о первоначальном тотемическом роде, децентрализованном в связи с подвижным подсечно-огневым земледелием. В некую первоначальную эпоху такие роды могли поддерживать брачные связи в одном направлении (мужчины *A* берут жен в роде *B*, мужчины *B* — в роде *C*). Но в связи с перемещениями и распадением родов, исчезновением некоторых семейных групп, поддерживать такую брачную связь стало невозможным (стр. 107—117). Следует, однако, отметить что при таком подходе остается в стороне широко признанный дуально-фратриальный характер древнейшей социальной структуры.

Большой материал собран автором по другим сторонам традиционного общественного строя кхму: по общине, по разнообразным проявлениям социального неравенства. Специфика положения кхму заключалась в том, что они по существу находились в крепостнической зависимости от тайских феодалов, которые требовали от крестьян кхму барщину совершенно произвольного размера (стр. 83—85). Вся ценная продукция лесного собирательства (кардамон, корица и т. п.) также доставлялась тайскому господину (стр. 84). Сам автор на стр. 85—86 характеризует кхму как барщинное крестьянство в тайской феодальной структуре. Поэтому было бы неправильно, ссылаясь на общину, обычай взаимопомощи и архаические родовые пережитки, рассматривать общество кхму как первобытное. Кроме того, в среде самих кхму до революции 1945 г. уже выделился слой жрецов и богатей, которые использовали накопленное богатство для эксплуатации других (стр. 91). Несомненно, что к имущественному расслоению внутри общества кхму вел принцип подворной разверстки барщины (стр. 89), которая позволяла части более зажиточных семей легче выносить феодальный гнет. Следует обратить особое внимание на предание кхму, говорящее о существовании у них в прошлом государства, о богатых вождях со стадами слонов, воинственных героях, о рабах. Данг нгием Ван считает, что конец этому «блестящему» периоду в жизни кхму был положен образованием ранних лаотянских государств (стр. 70). Интересно, что в мире мертвых, по представлениям кхму, есть также господа и крепостные (стр. 125). Кстати сказать, картина религиозных верований кхму нарисована автором с чрезвычайной глубиной.

Статья Вьонг хоанг Туйена посвящена нескольким небольшим тибето-бирманским народам, расселенным на северо-западе ДРВ (коонг, сила, лаху, хани и бокхопа, называвшиеся раньше ксафо). Автор дает характеристики отдельных народов. Общее впечатление о культурном уровне изученных Вьонг хоанг Туйеном народов противоречиво. Возьмем, например, лаху. К моменту революционных преобразований эта группа во Вьетнаме находилась в катастрофическом положении. Собирательство в горных лесах стало их главным занятием, дикое таро составляло основу питания (стр. 178). Одежда изготовлялась из луба, не было постоянного жилища (стр. 179). Тем не менее есть сведения, что в прошлом лаху обитали в оседлых поселениях, занимались земледелием, выращивали хлопок и выделывали из него ткани. Лишь военные столкновения с тайскими феодалами привели к изгнанию лаху с занятых ими земель, уходу в горы и к общему регрессу (стр. 177). Обращение к истории каждого из самых отсталых народов Индокитая выявляет, что регресс их культуры вызван военным разгромом и нещадной эксплуатацией со стороны соседних развитых классовых обществ. У коонгов, сила и особенно у ханй мы обнаруживаем следы очень развитого земледелия, что выражается в разнообразии сортов риса и других сельскохозяйственных культур. Черты высокого уровня развития в прошлом, по данным автора, яснее всего видны у хани. Так, у них существует искусная ирригация с орошаемыми террасами, для обработки полей используется плуг, они разводят свиней особой породы (стр. 195—196). Есть у хани свои кузнецы (стр. 196). Но коонги, сила и бокхопа получают железные изделия от мео. У всех народов в семейной жизни господствует «малая агнатическая семья» (стр. 152, 166, 180, 198). Все эти факты показывают, что та картина, которую к моменту демократических преобразований в ДРВ застали вьетнамские этнографы, была результатом сложного исторического развития, и поэтому понять сущность некоторых архаических черт в быту многих малых народов можно лишь обратившись к их истории. На этом пути много трудностей, и внимательное отношение к сведениям, сохранившимся в памяти самих народов, очень важно. Работа Вьонг хоанг Туйена, как и другие труды вьетнамских этнографов, убеждают в том, что историзм — это основной ключ к пониманию этнографических явлений и что классовый анализ этнографических данных дает возможность с наибольшей глубиной понять динамику развития культуры и общественного строя. Этнографы ДРВ своей работой оказывают значительную помощь социалистическим преобразованиям.

Подводя итоги, можно сказать, что все рассмотренные работы отличаются прекрасным знанием материала и стремлением к его теоретическому обобщению. Издание этих работ на западноевропейских языках (желательны были бы издания и на русском языке) будет способствовать пропаганде достижений вьетнамской этнографии и развитию общественных наук в социалистических странах.

Я. В. Чеснов